

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Yeva Novik

Interviewer: Julia Khanina

<http://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/olga-lozar>

Content © 2019 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission. Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Это Исторический Проект Кони Айленд. Меня зовут Юлия Ханина. И сегодня мы разговариваем с Евой Новик, иммигрантом из Москвы, проживающем на Кони Айленд. И давайте начнем разговор с истории вашего имени. Расскажите, как получилось так, что у вас два имени?

Ева Новик: Ну, это действительно, с одной стороны – смешная, с другой стороны – очень печальная, очень обидная история. Мой отец был в семье старшим сыном. Когда его отец умер, ему было всего четырнадцать лет. Мать его была человеком очень властным, но он ее очень любил и очень уважал. И в семье было поставлено так, что слово матери было беспрекословно. Когда ему было четырнадцать лет, умер его отец, которого звали Яков. Бабушка моя, также, как и дед покойный, были людьми очень религиозными. Они жили в глухом белорусском местечке. И естественно, религия для них было все. Она хотела во что бы то ни стало увековечить память своего мужа покойного. По этому поводу она обратилась ко всем известным ей раввинам, или другим людям, которые, как она полагала, могли об этом знать: что вот, у нее родилась первая внучка, у своего старшего сына, а ее мужа звали Яков. Оказалось, что это девочка, а то был мальчик. И поэтому ей нужно во что бы то ни стало установить по религиозным традициям, правилам, какое имя Якова соответствует женскому имени. Кто, и в какой степени он был ученым, я вам сказать не могу естественно, но, какой-то раввин ей сказал, что Яков, аналог Якову, в женском варианте будет Йоха. И конечно, разговора быть не могло. Мой папа, на мой взгляд, было достаточно трезвым человеком. Потом, прошел очень сложную, трудную школу жизни. Но в тот момент, я полагаю, что он видимо не оценил всю степень той ответственности, которую он взял на себя, считая, что он должен уступить своей матери, и сделать так, как она того хотела и требовала. И так меня назвали. Это записали в метриках, которых никто из нас и я, в том числе, в руках не держала, а мои родители в жизни по своим соображениям (не знаю по каким) дали мне имя короткое, удобное, на мой взгляд, легко произносимое, имя Ева. Которое знали они, знала я и все мое окружение. Парадокс заключается в том, что все мои документы, живя в Советской действительности, были на Еву. Только когда мне исполнилось 16 лет, и встал вопрос о получении паспорта (а без паспорта там ты никто и ничто, как вам известно было), то тут я должна была представить ту метрику, которая у меня была. Никто не придавал этому решительно никакого значения. Меня, естественно, записали в паспорте так, как я значилась в метрике. И с тех пор, в паспорте я была Йоха; мой отец был Ефим, я была Йоха Ефимовна. А в жизни я оставалась Евой. Никто не придавал в тот момент этому никакого значения. Но потом вся эта история для меня обернулась очень серьезными, трагическими последствиями. Мой отец, чувствуя себя где-то в душе

виноватым, делал титанические попытки для того, чтобы попытаться поменять мне имя. В конечном счете это не такая серьезная задача. Но этого никто не хотел ни слышать, ни знать, ни делать. И я осталась с этим документом. Значит, в жизни я – Ева, во всех ученических документах, вплоть до моего диплома об окончании, тоже была Ева. У меня не было Йохи! Но надо было как-то решать эти проблемы. Самым серьезным образом этот вопрос встал действительно, когда мы затеяли, задумали, и хотели осуществить иммиграцию. Вот здесь все мои попытки каким-то образом кого-то урезонить, объяснить, что это религиозный знак равенства... Никто ни с чем, никакие начальники не желались с этим считаться. Причем это носило такой откровенно антисемитский характер! Меня отправляли, был такой знаменитый в Москве академический институт Мара. Мар – это была фамилия очень известного знатока по национальным вопросам. Так меня отсылали к авторитету этого Мара: «Идите к нему. Пусть он Вам даст документ о том, что это одно и то же лицо.» Все кончилось тем, что слава Богу, оказалось, что я, наверное, была не единственная в Советских условиях в подобной ситуации. Не знаю, это ли обстоятельство, или подобное этому, но натолкнуло Верховный суд страны вынести специальное решение, по которому можно было обратиться в суд, который выносил не решение (форма такая была), а это называлось определение. Что он определял? Я должна была заявить, что Ева и Йоха – это одно и то же лицо. И свидетелей, которых я должна была обязательно пригласить, это могли быть тети, дяди, друзья, неважно, которые свидетельствовали бы вот этот вообще абсурд сплошной. Стояла я, что я это Йоха и я это Ева. На полном серьезе, с народными заседателями, по всем правилам искусства юридических канонов, было проведено это заседание; они удалились на совещание, долго там писали какое-то определение, где они так и написали, что в соответствии с разъяснением Верховного суда Союза такого-то числа то-то и то-то сказано, что в таких случаях может быть вынесено определение. Вынесли, наконец, это определение, подлинный экземпляр которого у меня с собой, он при мне. Он уже пожелтел, он уже подклеен со всех сторон. Но подлинный экземпляр я с тех пор всегда носила в своем паспорте и во всех своих документах, потому что потом этот вопрос беспрерывно возникал по поводу и без повода. Я тут же давала это определение, из которого было видно, что Йоха и Ева — это одно и то же лицо. Будучи смертельно напуганной всей своей жизнью в Советском Союзе, потому что там страх – это была главная движущая сила жизни. Это не разговор на тему о том, что кто-то чего-то боялся. Это истинный настоящий страх. Не приведи Господь кому-нибудь испытать это чувство. Оно сидело у нас внутри. И это чувство страха порой одерживало верх, как говорят, над разумом. Я не нашла в себе даже сил подумать о том, чтобы что-то изменить. И когда мы вынуждено имели дело с органами КГБ в связи со своим отъездом, с этим ОВИРОм, со всеми этими бюрократами, которые с высока на нас смотрели и при этом еще читали мораль: «А что Вы там будете делать? Дворником будете? Кем будет там Ваша дочка? Полы будет мыть или подметать улицы?» То каждый считал нужным ущемить, обязательно зацепить, сказать какую-то гадость, чтоб тебе было больно, выпустить яд, выпустить желчь. И поэтому, когда встал вопрос об оформлении документов, у меня и у моего мужа даже не было ни малейших сомнений: с этими людьми связываться не надо. У меня написано в паспорте Йоха, пусть будет Йоха. Самый большой парадокс заключается в том, что, когда мы приехали сюда, и уже проходили период получения грин карты, потом гражданства, у моей дочери хватило и

ума и соображения, и понимания, что она уже в... а я продолжала своей головой и своими мыслями быть там. Чувство страха продолжало еще одерживать верх. Она была Наталья, она стала Наташа в документах, и поменяла это когда получала грин карту. Я этого не сделала, по-прежнему боясь. Поэтому я в документах осталась так и навсегда. И теперь эта же проблема, только теперь это не вызывает желчи и яда, а теперь это вызывает улыбку, сострадание, понимание, сочувствие. Такая вот печальная и вместе с тем поучительная история.

ЮХ – Расскажите, как проходило Ваше детство?

ЕН – Ну, я хочу Вам сказать, мой отец был по советским меркам достаточно, как Вам сказать, высокопоставленный человек. Он был ректором ВУЗов, поэтому я не могу сказать, что по нынешним меркам мы жили необыкновенно благополучно. Скромно, но в нормальном достатке. Единственное что, что конечно на годы моего отрочества, подростковые годы, выпало тяжелейшее время войны. Когда мой отец ушел на фронт, и мама, у меня была единственная сестра, которая была погодкой. Она была меня моложе на год и шесть месяцев. Очень маленькая у нас была разница, мы очень были близки, и поэтому мама с нами двумя коротала жизнь в эвакуации, где мы были в Саратовской области, в жесточайших, кошмарнейших, нечеловеческих условиях. Ну и потом вернулись, тоже было достаточно трудно. Поэтому как Вам сказать, с одной стороны, детство было до начала войны, это было обычное советское, вполне приемлемое для меня детство. Мы не испытывали больших преимуществ, или больших доходов у папы не было, но это была нормальная жизнь. Ну а вот годы войны – это, конечно, сплошной кошмар и сплошной ужас.

ЮХ – Как события Второй Мировой Войны повлияли на вашу жизнь?

ЕН – Ну, естественно, вы понимаете, с одной стороны, конечно, в то время пропаганда и агитация, которую я по молодости еще мало в состоянии была оценить, оказывала свое воздействие и свою роль играла. И чувство патриотизма поджигало и зажигало: мы все жили этой жизнью побед потом бесконечных, дутых или раздутых, или обоснованных, или неоправданных (в смысле человеческих жертв). Это все из другой области. Но потом, как раз годы моей юности уже совпали уже с началом антисемитизма. Я это в полной мере, я испила полную чашу до дна... Я Вам могу привести такой маленький пример. У меня был руководитель, я тогда работала в юрис консультом на большом очень предприятии. Руководитель был – бывший инструктор Гор Кома партии. Я была как все: молодая, кровь играла. Ну естественно, привлекательная чем-то кому-то была. Он любил ко мне подойти и сказать: «Ох, хороша ты баба! Вот только евреечка!» Это я испытывала на себе. Это говорил инструктор Гор Кома партии. Ну то, что я потом знала со всеми этими делами, с антифашистским еврейским комитетом, ну я уже была зрелым человеком. Мы это уже все оценивали. Ну а потом это трагическая история с врачами, которых всех попересажали, поубивали, поуничтожали за то, что они были лучшие из лучших. Это все не могло не сказаться и сформировать внутреннее, понимаете. Поэтому, когда у меня спросите как, в какой мере и как я была подготовлена к тому, чтобы превратить наш отъезд в голубую мечту и ее осуществление... мы очень рано были к этому готовы.

ЮХ – Что подтолкнуло Вас к решению покинуть Советский Союз?

ЕН – Уже в зрелом возрасте полностью отдавали себе отчет в том, где мы живем. Это была абсолютно нечестная, несправедливая жизнь. Тем более, мой муж и я были оба юристами. И поэтому мы очень хорошо понимали, что это все значит. И с этим очень часто сталкивались: ни продвинуться по работе, ни двинуться, ни куда-то устроиться, ни на что-то претендовать мы не могли. Я помню, когда мы затеяли, это была вообще эпопея, которая стоила в значительной мере жизни моему мужу. Эпопею с тем, чтобы она сделала попытку поступать в знаменитый ин яз имени Морисы Тереза... Это конечно, был шаг, на который мы пошли, но мы не до конца понимали, чем для нас все это может кончиться и обернуться. И мы так это тяжело восприняли, с такой болезненностью мы к этому отнеслись, потому что когда она, как я всегда говорила: когда я утром вставала, Наташа уже сидела, когда я ложилась, она еще сидела за столом. Поэтому я всегда мужу говорила: что будет, если она не поступит? Вот она спросит, а почему меня не приняли? По какой причине меня не приняли в этот институт? Я говорю, я даже не знаю, что мы ей на это... Потому что она со своей стороны сделала не только все, по своему возрасту, а более того, на что она могла быть даже способна. Она переступала через все. И поэтому жизнь наша там была уже... мы уже потом все привыкли. Двойная жизнь. Я еще иногда сейчас, когда я оборачиваюсь назад, я про себя думаю, а как это люди еще не свихнулись там все? Потому что приспособиться к тому, что каждый жил двойной жизнью... на кухне мы говорили одно, дома говорили другое, выходили на трибуну, мы же – не кто-то другой – мы говорили: «Ура! Да здравствует!» Мы все приветствовали, мы со всем соглашались, мы все признавали, мы все поддерживали. Уже больше было немыслимо с этим мириться, невозможно было все это терпеть и все унижения, через которые мы проходили. Поэтому я Вам скажу, на кухне, когда мы собирались, с нашими друзьями: у нас были близкие друзья, собственно, мы благодаря им и оказались на Брайтоне. Потому что они приехали на 10 лет раньше нас. Они умудрились уехать чуть ли не в последний день, когда давали разрешение перед тем, как Советские войска вступили в Афганистан. Когда была поставлена точка над эмиграцией вообще. На 10 лет это было. Мы, конечно, жили в очень тяжелых условиях. И отдавали себе в этом отчет. И когда каждый раз мы с ними собирались, то главная, доминирующая тема, как это ни парадоксально, у молодых... мы никогда толком не говорили ни о тряпках, ни о чем-то другом – чесали языки вокруг нашей действительности и реальности. И о голубой мечте: увидеть Париж и умереть. Это была присказка, которую мы постоянно по сто раз повторяли. И тут еще сложилось так, что мы сумели тогда, когда не ворота, не окно, а форточка... форточка маленькая, щель приоткрылась, и можно было хотя бы поехать в страны Восточной Европы. Они все тоже были достаточно близки, по всем своим уровням, и стилю жизни, и всему на свете. Были близки к советской реальности. Но тем не менее, для нас это еще была заграница. Потому что там еще сохранилось поколение, оно еще не вымерло, оно еще сохраняло те традиции и устои того времени. Во многом. Поэтому так получилось, что наши вот эти друзья умудрились, как говорят, пробить дырку в этой щели. И пригласили нас поехать в Польшу. А в Советской реальности же было как: вот если вам разрешили, если вы уже вернулись, и вы не дай Бог ничего не везли, ничего не нарушали, никаких за вами хвостов не последовало, то вам уже потом разрешали почти безоговорочно. Ну редко, все равно надо было проходить Рай Ком партии, характеристику, чтобы поехать

в отпуск к своим друзьям в ГДР или в Венгрию. Это ж вообще какой-то абсурд, который не поддается никакой проверке и никакому анализу. И каждый раз вам говорили: «а зачем вы туда поедете? Посмотрите, как у нас тут есть: какие леса! Какой Урал! Какая Сибирь! Вы там были? Чего вы едете в Венгрию?» Любой ценой, чтоб никто, никуда, ну-ну! Никуда не ездил. Понимаете, вся жизнь была устроена так, нас жизнь сама подогрела. Она вынуждала нас на это решение, на то, чтобы это желание уехать оттуда превратилось в голубую мечту.

ЮХ – Насколько Вам тяжело дался переезд и в моральном, и в легальном плане?

ЕН – Ну Вы же понимаете, переезд в любом варианте, как мы всегда говорили, равносильно пожару. Это действительно близко к истине. Мы оставили квартиру, большую часть своего имущества. Вывезти же ничего было нельзя! Вас отпускали как самых настоящих голых, нищих людей! У меня кроме чувства негодования, озлобления, ничего не осталось. Ну конечно, я может быть это утрирую немножко, потому что были конечно светлые, как говорят, периоды. Мы, как все любые другие люди, и праздновали, и отмечали, и гуляли, и куда-то пытались поехать... Хотя это было сложно, мучительно все, с трудом. В гостиницу ни в какую не попасть, нигде остановиться невозможно. А если Вы даже по дороге где-то могли остановиться, даже вдруг, то эти условия бытовые были такие, которые вспомнить нельзя. Я когда вспоминаю, когда мы здесь, к сожалению, за тот короткий период времени, что мой муж был жив. Мы очень мало с ним успели. Но где-то мы успели до Канады вот доехать, по крайней мере. И там в пару мотелях остановиться. Так я вспоминаю, в любом мотеле, чтобы встал вопрос о том, что нужна вода, душ, туалет? Там проблема туалета – только выгребные ямы. Это в ста километрах от Москвы!

ЮХ – Как проходил процесс эмиграции? Вы попали сначала в другую страну, правильно?

ЕН – Да, значит мы, как и все другие, мы же формально, поскольку мы – люди еврейской национальности, так сказать – отверженные, то Советская власть и Советская реальность делала все, для того чтобы не было соблазна ни у кого других. На эту тему было немало анекдотов, что никто бы не остался в этой стране, если бы это позволили. Поэтому, конечно, вставлялись любые палки в колеса. И вывезти ничего было нельзя, и всего вас на свете лишали, и за диплом надо было платить какие-то сумасшедшие, безумные деньги. И тогда делалось ведь что: мы формально все ехали в Израиль. Нас отправляли в Вену. Мы приезжали в Вену, нас в аэропорту встречали и говорили: «Вы – в свободном мире! Куда вы хотите? Если в Израиль – сюда, если на Запад в какую-то страну – сюда.» Это уже зависело от вашего желания. Есть, и немало таких было, патриотов, людей, которые не представляли эмиграцию ни в какую другую страну, кроме Израиля. Таких немало было. Мы, в частности... во-первых, наши друзья уже были тут. Мы сформировались, Наташа уже умудрилась разочек смотаться во Францию. Поехала в Париж. У нее там было много друзей, ее встречали триумфально. Ну конечно, вы понимаете, одно дело – поехать жить на свои, другое дело – это приехать в гости. Конечно, это все день и ночь. И так как она у нас натура впечатлительная, очень чувствительная, то первый же наш звонок, а мы в это время уже были, как говорят, сформированы к отъезду, она – еще не очень. Не была уверена на все сто, в отличие от нас. И когда мы ей позвонили, когда она была в Париже, первое, что она

нам сказала: «Мама, надо не ехать, надо ползти!» У нас вышла вот такая очередность: уехала сестра с мужем, потом мы считались с моим мужем. По-прежнему, испытывая чувство страха и недоверия к Советской жизни и к Советской системе, выпроводить, воспользоваться окном, выпроводить ее. Мы, честно Вам скажу, когда мы ее проводили в Москве, в Шереметьево, мы не были уверены, что мы увидимся. Мы проводили ее, уже потом поехали мы, а потом уже уезжала наша племянница, это дочка моей покойной сестры, и она везла с собой родителей.

ЮХ – Каким Вы в первые увидели Кони Айленд? Что запомнилось больше всего?

ЕН – Вот я вам уже сказала, что у нас были ближайшие наши друзья, друзья на уровне родственников. Очень близкие, с которыми мы постоянно были в контакте, постоянно. И вот жизнь и обстоятельства разлучили нас на 10 лет. Они оказались здесь, а мы – там. И когда мы приехали, понятно, что никакого выбора у нас в этот момент не было. Мы приехали сюда к нашим друзьям. Нас встретили в аэропорту, привезли сюда, к ним, на Брайтон Бич. Так мы оказались в плену этого района, в котором, так, положила руку на сердце, я бы сказала сегодня... ну, тут есть свои преимущества, свои удобства, близость океана, привычная среда, привычные магазины. На первых порах в особенности это было существенно и важно. Но все равно, скорее всего, мы бы тут не оказались, если бы не такие особые обстоятельства, при которых мы приехали к ним и вынуждены были на первых порах, еще не отдавая себе отчета, что где мы и что мы, и как мы. Поэтому, на меня, конечно, первое, я помню, абсолютно ошеломляющее впечатление, особенно этот трейн. Когда мы впервые, понимаете... Сейчас уже абсолютно привычно, никакой реакции, вот это тарактение и это все это вокруг. Ну первое впечатление было... Человек устроен так, как любое, наверное, животное, привыкаем. Привыкли, и я уже это рассматриваю как свой район, к нему очень привыкла. Должна вам сказать, что на определенном этапе, пока я была в относительной физической форме, я получала большое удовольствие от близости океана. Очень этим основательно пользовалась. И ходила по берегу, и купалась... Так что первое впечатление было ошеломляющее, а теперь уже привыкла.

ЮХ – Чем Вы занимались, когда Вы переехали?

ЕН – Тут все было не так просто, как это кажется на поверхности. Понимаете, это был сразу наплыв, прорыв. Тут были свои политические сложные игры, которые стояли за приездом евреев сюда между Израилем и Соединенными Штатами. Поэтому это была волна людей. И как волна она всегда создает дефицит во всем. В том числе был жуткий дефицит с квартирами. Во-первых, дорого. Во-вторых, не было поблизости. Не было приемлемых, приличных. Одним словом, эти проблемы были достаточно серьезными и острыми здесь. Необходимость платить за квартиру вынудила нас. Мой муж к этому времени был уже достаточно больным человеком, Наташа пошла работать. Мой муж сидел с ее дочкой, нашей старшей внучкой, а я пошла работать бэбиситтером. Надо было каким-то образом платить за квартиру, а он был, так сказать, на домашнем хозяйстве. Потом в дальнейшем, благодаря Наташе, я работала в Туро колледже, реджистрар офисе. Несмотря на то, что у меня тогда были еще достаточно сложные серьезные языковые проблемы, тем не менее, заведующая этим отделом была со мной в очень близких, добрых, сердечных отношениях,

вплоть до своей смерти. Она была моим руководителем, я с ней работала. И она, несмотря на мои проблемы с языком очень ценила меня за мою аккуратность, преданность, дисциплинированность, организованность, порядок. И я хорошо работала. Меня знало там руководство, очень просили меня всегда оставаться там на работе, но очень тяжело болел мой муж. Очень. Он умер от рака легких. Одним словом, эти обстоятельства меня, конечно, вынудили... Я некоторое время совмещала с работой, а потом вынуждена была уйти для того, чтобы полностью переключиться на уход за своими близкими.

ЮХ – Вы начали учить язык еще в Союзе?

ЕН – Когда, так сказать, абсолютно категорически выяснилось, что мы подаем документы, я ходила... там была такая система платных (*курсов*) на которые Наташа тоже одно время работала. Я ходила на эти курсы. Ну это так была, начальная очень стадия. Здесь я кончила со всеми регалиями, получила с отличием диплом в этом Туро колледже, в котором я работала. И меня даже занесли в книгу «Who is who?» В один прекрасный день мои покойные родители получили письмо. Прислали им благодарственное письмо за дочь, которую они так воспитали и организовали, что она попала в книгу «Who is who?» А потом, я просто физически не могла ничем заниматься, кроме таких серьезных проблем, как болезнь моего мужа, хождение по госпиталям и все прочее. Я когда немножко очухалась, я сама для себя приняла решение, что я приехала сюда. И видеть как здесь русские все продолжают свой стиль и свою жизнь абсолютно не чувствуя себя, что они в другой стране, что они у себя там... я в один прекрасный день отказалась от русского телевидения, у меня его и сейчас нет, у меня есть только американское телевидение. Только. Уже очень-очень давно, много-много лет. Я сама стала заниматься языком. Не могу сказать, что я сделала грандиозные успехи, но я читаю абсолютно беспрепятственно по-английски, абсолютно. Перевожу то, что я читаю тоже, как правило. Испытываю проблемы, конечно, с речью. Потому что прежде всего, нету практики. Нет опыта. И чем дальше, тем больше я его теряю.

ЮХ – Вы считаете себя патриотом Америки?

ЕН – Да, да, да, да! Безоговорочно и беспрекословно. Да, да. Есть тут свои проблемы, но я с позиции, прежде всего, профессиональной, как юриста и человека, принадлежащего законам. Это страна законов, соблюдения законов, и руководства. Конституция – это закон. И ее никто не изменит. И, как говорят, God bless создателей и основателей этой страны. Самых мудрых из мудрых людей, которых могла только создать жизнь и история. Которые создали такие основы законодательные для этой страны, каких нет ни в одной другой стране и никогда не будет.

ЮХ – Вы путешествовали в Россию после того, как распался Советский Союз?

ЕН – Да. Это был единственный раз. И хочу Вам сказать, что я где-то с трепетом относилась к этой предстоящей встрече с Москвой. Мы прожили там всю жизнь, это же все-таки не деревня, при всех ее издержках и недостатках. И я с большим волнением и трепетом ждала этой встречи. Я очень боялась. Я вообще тоже из числа достаточно эмоциональных людей. Очень боялась, что это как-то может меня... пробудить во мне ностальгические чувства. Мы не испытали никаких чувств неприятных, каких-то ощущений, каких-то проблем

серьезных. Мы были у родственников, она была у своей подруги. Ну и я снова побывала во всех музеях, и в Третьяковке, на спектакль она нас какой-то водила. И в пару ресторанов зашли. На кладбище, конечно, съездили к своим. Но я уехала без всякого, знаете, чувства... Наоборот, мне хотелось скорее сюда. Я уже здесь чувствовала себя дома. Мне хотелось домой. Знаете, это внутреннее ощущение дома, это чувство ни с чем не сравнимое.